

УДК 94(47)

DOI: 10.15393/j14.art.2021.158

Воронина Полина Сергеевна

магистр истории (46.04.10)

Петрозаводский государственный университет

Гуманитарный Инновационный Парк

Администратор;

Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии

Волонтер-исследователь;

Университет Восточной Финляндии (кампус Йоэнсуу)

Аспирант докторской (PhD) программы «Past, Space and Environment in Society»

Научный руководитель — доцент Российской истории **Чернякова Ирина Александровна**

Университет Восточной Финляндии (кампус Йоэнсуу)

Карельские беженцы в Ухтинском уезде: региональный аспект (1920-е гг.)

Аннотация. Статья посвящена региональной специфике репатриации карбеженцев (карельских беженцев) в 1923—1929 гг. из Финляндии в Советскую Карелию. На основе архивных документов официального характера (постановления, протоколы заседаний, переписка), а также воспоминаний участников событий автор анализирует особенности возвращения выходцев из Ухтинского края, вынужденных покинуть его в 1921—1922 гг. из-за межгосударственного вооруженного конфликта, обратно. Предпринята попытка проследить процесс интегрирования репатриантов в местное сообщество, оценить отношение к ним органов власти и местного населения.

Ключевые слова: Карельская авантюра; Карельское восстание; Карельская трудовая коммуна; Карельская советская республика; карельские беженцы; Антти Тимонен; Луусалми; Ухтинский уезд; Финляндия; Советский Союз.

В начале XX века Карелия¹ представляла собой нестабильный регион в административном, политическом, военном и социальном отношениях. Первая мировая война и последовавшая за ней революция 1917 г., в одночасье превратившие Карелию в государственный форпост; интервенция и Гражданская война, — все эти события раздирали край и, в первую очередь, отражались на местном населении, которое зачастую не понимало, что происходит. Очень точно передают атмосферу ужаса и неразберихи, которая обрушилась на карельских крестьян, слова известного писателя Антти Тимонена, уроженца деревни Луусалми (ныне в Калевальском районе), который ребёнком стал свидетелем этих трагических событий: «Мне больше помнятся рыдания женщин по расстрелянным мужьям, убийства, пожары, отчаянные крики о помощи. В том, что происходило, я, конечно, ничего не понимал, как не понимали этого и многие взрослые. Поди-ка тут разберись, если уходят и приходят то белые, то красные финны, то белые, то красные карелы, то белые, то красные русские! Если появляются карелы в английских мундирах и с английским оружием и преследуют сегодня белофиннов, а завтра русских белогвардейцев... Еще и через столетия в этом нелегко было разобраться, и даже теперь не все ясно самим историкам» [6: 9].

Рис. 1. Писатель Антти Тимонен за работой²

Не приходится сомневаться, что спасая себя и свои семьи, большинство карельских крестьян были вынуждены покидать места своего проживания, уходя в поисках безопасности, в том числе, в соседнее государство. Последним конфликтом Гражданской войны, вспыхнувшим в Карелии, который породил массовую миграцию населения, стало карельское восстание 1921—1922 гг.

В историю эти события вошли под самыми разными названиями: карельская авантюра, белофинская авантюра, вторая советско-финская война, рассматривался конфликт и в контексте «племенных войн» (*heimosodat*). Не вдаваясь в подробности разных, в том числе идеологических особенностей такого терминологического многообразия, отсылаем к работам исследователей, которые рассматривали конфликт с различных точек зрения: в основном военной, политической и экономической, и, в зависимости от важности и убедительности

¹ Под Карелией в данной статье понимается территория Олонецкой губернии, а также Кемского уезда, административно входившего в состав Архангельской губернии Российской империи

² Источник фото: <http://rkna.ru/projects/mosaic/viewimg.phtml?lng=&id=1207&pageid=2385>

выявленных и представленных фактов, определяли центральные причины разногласий и «правильность» названия [11—18, 22, 23]. При этом отметим, что нам гораздо ближе позиция, согласно которой события осени 1921 — зимы 1922 гг. определяются как восстание. Этот термин мы и будем использовать в данной статье.

Несмотря на богатый накопленный опыт по изучению восстания, в этой теме по-прежнему сохраняются белые пятна. Так, в отечественной историографии малоизученными остаются вопросы, посвящённые миграции жителей карельских деревень, которых, как было отмечено выше, военные действия заставили отказываться от привычного образа жизни и бежать в Финляндию. Подчеркнём, что для малонаселенной Карелии, в особенности её северных территорий, последствия вынужденной миграции были катастрофическими. Известный довоенный исследователь Самуил Хесин утверждал, что «во всем Ухтинском районе из 17600 человек... осталось 7358» [22: 144].

Стремясь вернуть население на покинутые территории, Советское правительство в 1923 г. организовало специальную амнистию — обратную миграцию. На сегодняшний день исследователями проанализирована специфика её проведения и подведены основные итоги [10, 19], однако, на наш взгляд, изучение данной темы должно быть продолжено. В частности, совершенно неизученным остаётся вопрос об отношениях карбеженцев с местным сообществом.

В центре внимания в данной статье находятся особенности репатриации карбеженцев в Ухтинский уезд как следствие одного из конфликтов периода Гражданской войны в Карелии — карельского восстания 1921—1922 гг.

Однако прежде чем перейдем к анализу итогов амнистии и связанных с ней событий, обратимся к характеристике регионального субъекта, о котором идёт речь.

Ухтинский уезд был создан путём переименования одноимённого района после преобразования Карельской трудовой коммуны (КТК) в Автономную Карельскую Социалистическую Советскую Республику (АКССР) в 1923 г. [1: 1—2]. В свою очередь, Ухтинский район появился на административной карте региона в 1921 г. Оксана Юрьевна Репухова, опираясь на «Дело об организации Ухтинского районного исполнительного комитета Советов в Кемском уезде Карельской Трудовой Коммуны», которое хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), считает, что появление нового административно-территориального образования при существовавшей тогда уездно-волостной системе напрямую связано с карельским восстанием 1921—1922 гг. После введения в октябре 1921 г. военного положения на территории КТК для более оперативного контроля над зоной, охваченной боевыми действиями, был образован Ухтинский военный революционный комитет, преобразованный затем в районный исполнительный комитет, под управление которого попали семь волостей [20: 76]. ВЦИК СССР закрепил район в административно-территориальной структуре КТК, издав в январе 1923 г. специальный декрет. В состав района при этом вошли Кестеньгская, Олангская, Юшкозерская, Ухтинская, Кондокская¹, Вокнаволоцкая² и Тихтозерская волости [4]. Согласно данным, которые приводятся в изданном в 1925 г. Статистическом обзоре АКССР за 1923—1924 гг., площадь уезда составляла 30643 квадратных километра, число населенных пунктов в нём было 148 с общей численностью населения 11695 человек. Статистический обзор даёт возможность сопоставить этого рода сведения с более ранними. Так, на основании проведённой в 1920 г. демографической переписи количество населённых пунктов в уезде составляло 180, то есть, было на 32 больше. При этом в них проживало и на четыре с половиной тысячи больше человек обоего пола (16190). [5: 7].

¹ В тексте: Кондогская

² В тексте: Вокнаволоцкая

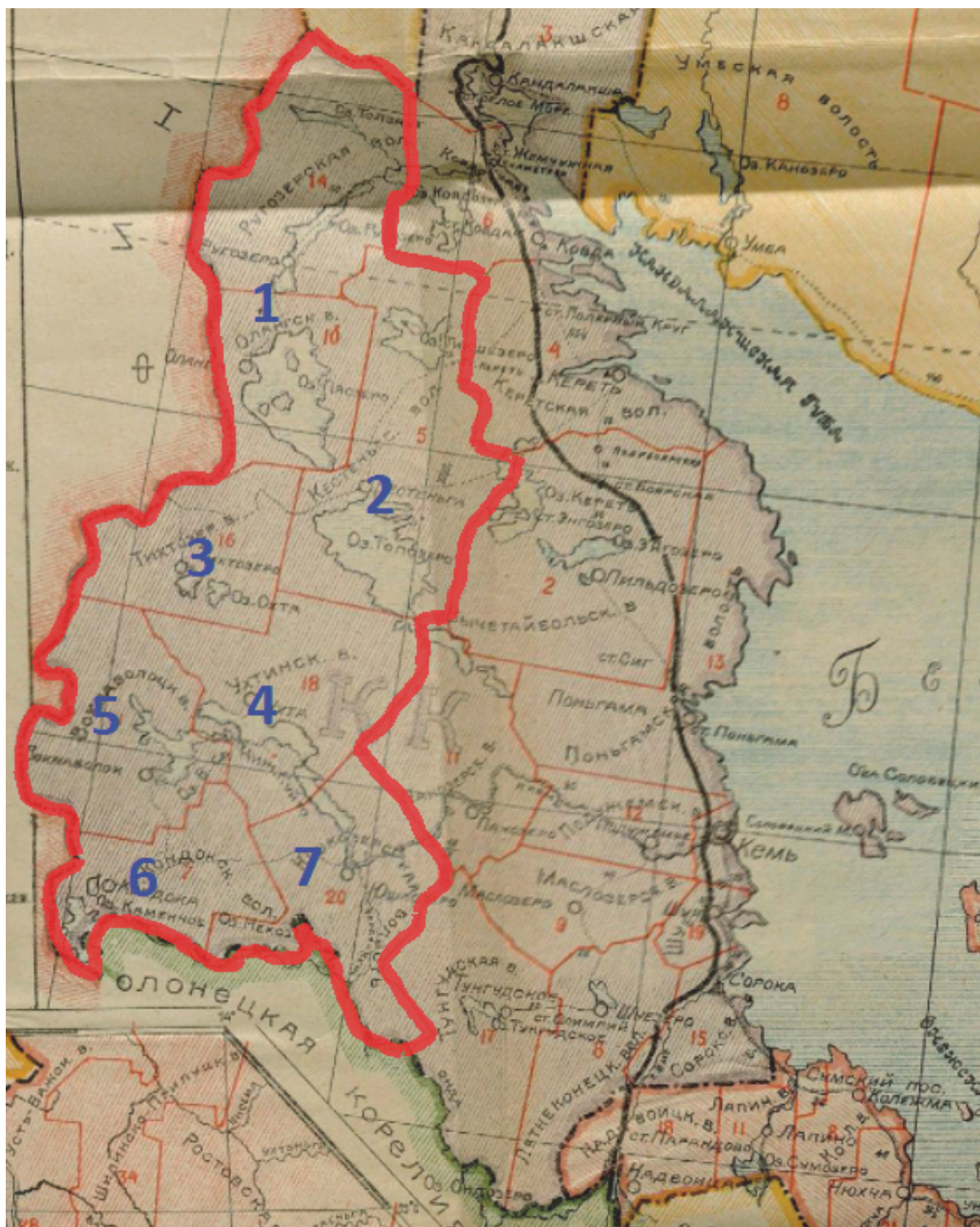

Рис. 2. Фрагмент карты Архангельской губернии [20]. В пределах Кемского уезда автором статьи выделена территория Ухтинского района. Цифрами обозначены входившие в его состав волости:
1. Олангская, 2. Кестеньгская, 3. Тихтозерская, 4. Ухтинская, 5. Вокनावолокская, 6. Кондокская, 7. Юшкозерская

Амнистия карбеженцам была объявлена 30 апреля 1923 г. За это время, согласно материалам VI Всекарельского съезда Советов, состоявшегося в январе 1926 г., было амнистировано 2788 человек, из которых более 60% вернулись в Ухтинский уезд [10: 22]. Репатриантам обещали полное принятие в обществе, восстановление в правах, сохранение имущества и неприменение насильственных мер [9: 1].

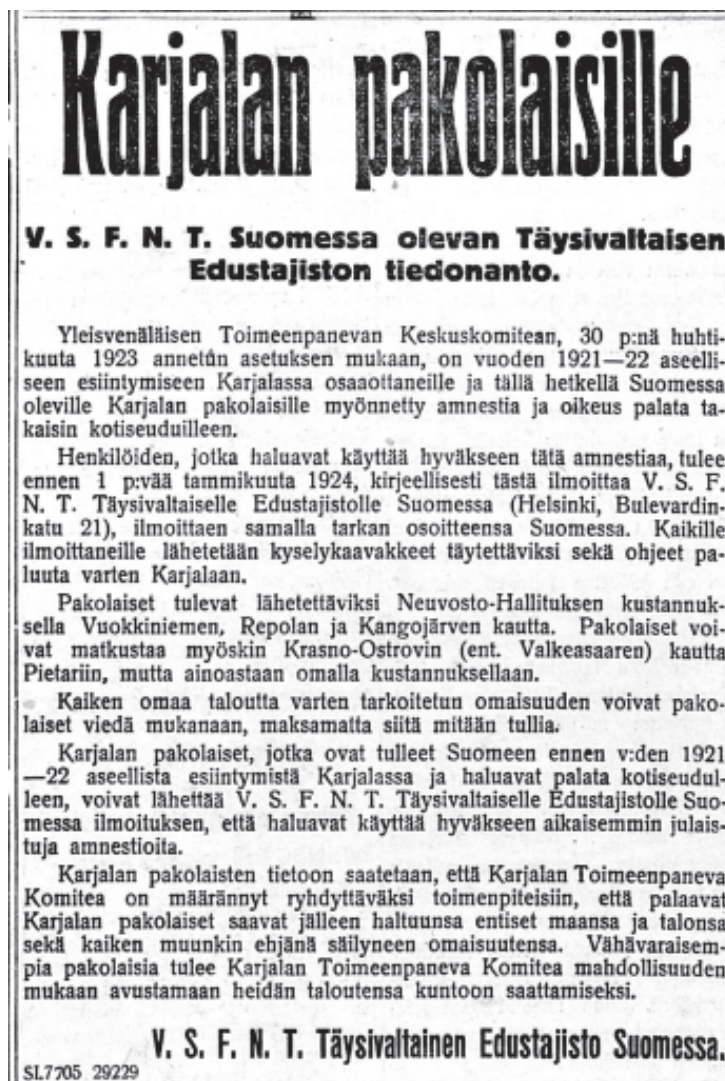

Рис. 3. Обращение к карельским беженцам, опубликованное в газете «Helsingin Sanomat» в августе 1923 г. [9: 1]

При пересечении границы на каждого карбеженца заполнялись специальные документы, в число которых входили анкета, опросный лист, торжественное обязательство, эвакуационное свидетельство и протокол [23]. На основании внесённых в них сведений принималось решение об амнистировании. При этом зачастую за репатриантом могло быть установлено негласное наблюдение.

Документы, о которых идёт речь выше, хранятся в Национальном архиве Карелии. Из них мы можем узнать о жизни крестьянина-карела до восстания, о поводе, побудившем его покинуть родную деревню, о тяготах жизни в Финляндии и причинах возвращения домой. Вместе с тем, нам практически ничего не известно о том, как складывалась жизнь репатрианта после возвращения в Карелию: принимали ли его местные жители, следовали ли за возвращением репрессивные меры, как сами вернувшиеся оценивали новые принципы жизнеустройства. Во многом отсутствие сведений по волнующим нас вопросам объясняется скудостью источниковой базы, в особенности это относится к источникам личного происхождения. На сегодняшний день нам неизвестны мемуары карбеженцев, в которых была бы отражена их повседневная жизнь в карельской деревне.

Однако некоторые сведения о положении беженцев после возвращения в Карелию могут быть извлечены из докладов исполкомов приграничных волостей, в которых содержится инфор-

мация об их политическом и экономическом состоянии. Готовились такие отчеты ежемесячно, а затем выдержки из них посылались полпреду СССР в Финляндии. Изначально они носили секретный характер, при этом в обязательном порядке доклады содержали пункт об амнистировании карбеженцев. Важно, что в волисполкомах фиксировалось, хотя и в общих чертах, поведение карбеженцев и отношение к ним со стороны местных властей. Также эти отчёты содержат количественные сведения не только о том, как много карбеженцев покинуло те или иные населённые пункты и вернулось обратно, но и сколько их ещё оставалось в Финляндии. Отчёты об Ухтинском уезде, интересующие нас в рамках настоящего исследования, изначально составлялись на финском языке, а затем были переведены на русский [2].

Вокнаволоцкий волостной исполком информировал, что к 1923 г. в волость вернулось 470 человек, в Финляндии осталось еще около 732 человека. Население волости, согласно отчету за май—июнь 1924 г., составляло 2856 человек, из них 1281 — мужчины и 1575 — женщины¹. Сообщалось, что «в хозяйственном отношении возвратившиеся беженцы находятся в удовлетворительном положении, так как они получили обратно все ранее обрабатываемые участки земли и сохранившееся имущество; домов за это время передано владельцам 8 и коров 11» [2: 15]. По мнению председателя волисполкома, «отношение к власти [у] бедняков сочувственное, [у] зажиточных — холодное и даже в некоторых случаях противное». При этом в тексте доклада зафиксировано, что за отчётный период не было ни одного случая, который потребовал бы задержания и судебного преследования возвратившихся беженцев [2: 15].

Из Тихозерского исполкома сообщалось, что представить точные сведения о численности населения до восстания (так в тексте — *П. В.*) практически невозможно, так как «бандитизм[ом] совершенно уничтожило архивы» [2: 39 об]. Однако удалось выяснить, что в 1921 г., до восстания, в волости проживало 1420 человек, из них в Финляндию бежало 1400 (98,6% — *П. В.*). К июлю 1924 г. в Тихозеро и окрестные деревни на основании амнистии, то есть легально, вернулось 62 человека и ещё 700 прибыли нелегально. Население волости при этом составляло 814 человек: 372 мужчины и 447 женщин, «все по-фински говорящее карельское население» [2: 39 об.]². При этом уточнялось, что вернувшиеся беженцы «есть беднейшее население и относятся к советской власти благосклонно» [2: 39 об]. Однако вместе с тем сообщалось, что в начале июля из волости в Финляндию «сбежало 4 человека». По мнению властей, связано это было с тем, что у них в Финляндии оставались члены семьи, которые не вернулись в Карелию по амнистии [2: 38].

Подчеркнём, что подобные донесения составлялись только в волостях, имевших статус приграничных. Повышенное внимание к ним и контроль со стороны властных структур можно объяснить тем, что население данных волостей рассматривалось как потенциально нестабильное в военно-политическом отношении. В связи с этим среди документов не представлены отдельные отчёты Юшкозерского, Ухтинского и Кестеньгского волисполкомов, которые формально не имели общей границы с Финляндией и находились внутри уезда. Поэтому большой исследовательской удачей можно считать тот факт, что сведения о волостях с центрами в Ухте и Кестеньге отразились в общем докладе по уезду, составленном Вернером Форстеном, который занимал пост председателя Ухтинского уездного исполкома.

¹ Согласно данным «Статистического обзора АКССР за 1923—1924 гг.», в 1920 г. в волости проживало 3275 человек, а на 1 января 1924 г. — 2864. При этом количество хозяйств увеличилось с 561 в 1920 г. до 620 в 1924, а число населённых сократилось с 48 в 1920 г. до 40 в 1924 [5: 7].

² По материалам демографической переписи 1920 г., в волости проживало 1249 человек, насчитывалось 15 населённых пунктов и 165 хозяйств. На 1 января 1924 г., согласно сведениям, предоставленным НКВД, в Тихозерской волости в 18 населённых пунктах проживало 814 человек, количество хозяйств при этом составляло 229 [5:7].

Рис. 4. Вернер Форстен.
(http://www.rkna.ru/exhibitions/krfin/persons/forsten_v/forsten_v.php)

Кестеньгской ячейкой РКП(б). «Когда кестеньгские *жители* — П. В.] 13 августа отправились в обратный путь и подняли на корме лодки красный флаг, — пишет Форстен в отчете, — то также с праздника возвращающаяся в Кимас-реку лодка, в которой был Яков Васильевич Ложкин, его двое сестер и двое других людей, подняли белый флаг, тем показывая свою противность кестеньгскому красному флагу» [2: 78]. Далее Форстен отмечает, что жители Кестеньги нашли поддержку среди жителей Коккосалми: Александр Кондратьевич Сергеев, Василий Прохорович Сергеев, Тимофей Семенов также установили на своей лодке белый флаг [2: 78].

Проблема возвращения карбеженцев, как можно судить из доклада Форстена, волновала его не в последнюю очередь из-за земельного вопроса. На момент подачи отчёта в сентябре 1924 г. в Ухту не вернулось 70% беженцев, при этом их пустующие земельные участки хотело бы обрабатывать местное население. Форстен предлагал решить вопрос раз и навсегда: «Обрабатываемые земли передать населению, [а — П. В.] возвратившиеся бандиты должны удовлетворяться теми участками, которые останутся...» [2: 79 об.].

Кардинального решения, по мнению Форстена, требовала и проводимая амнистия. «Амнистированию и бесконечному возвращению бандитов желательно положить конец» — такова заключительная формулировка в его отчёте [2: 79 об.].

Своеобразным анализом итогов восстания и амнистии в Ухтинском уезде можно считать статьи Форстена, изданные в 1927 и 1932 гг. Нарушая хронологический порядок, начнём с представления сведений, сообщаемых в статье «На стройке красной Ухты», опубликованной в 1932 г. в журнале «Советская Карелия» [8: 8]. Важно, что на страницах этого издания приведены данные по волостям о том, сколько жителей покинуло территорию уезда, сколько было разрушено домов, уничтожено или уведено скота. Следуя исходному документу, приведём количественную информацию в таблице (см. табл. 1).

Доклад Форстена резко отличается от вышеупомянутых. Он фактически критикует сложившуюся систему амнистирования, считая, что проверки и контроль за карбеженцами, которые решили вернуться, должны быть усилены, так как «проявляются явные факты, говорящие, *что* мы получили из Финляндии вместе [с — П. В.] амнистированными беженцами, ибо они в настоящее время, успев немного устроиться со своим хозяйством, начинают показывать сами себя в сравнительно резких протестах против советской власти» [2: 78]. Обосновывая свою позицию, Форстен в качестве примера приводит несколько ситуаций, когда, по его мнению, крестьяне проявили явное неуважение к власти.

Так, 8 июля 1924 г. после проведения беспартийной крестьянской конференции в деревне Варакуля Кестеньгской волости «прежний торговец Семен Матвеев открыто высказывался, что Ленин ничего хорошего нам не дал, а наоборот» [2: 78]. Ещё одно публичное обозначение недовольства произошло после праздника пропаганды, организованного

Таблица 1.

Последствия карельского восстания 1921—1922 гг. в Ухтинском уезде*

Волостной центр	Количество жителей, которые оказались в Финляндии ¹	Количество уничтоженного/уведенного скота			Количество разрушенных домов
		Лошадей	Коров	Овец	
Ухта	1938	157	551	1000	310
Юшкозеро	862	143	171	261	11
Кондока	675	16	36	256	8
Вокнаволоок	1627	98	320	600	60
Тихтозеро	955	29	226	70	28
Кестеньга	948	100	80	60	15
Оланга	393	30	50	60	12
Итого	7398 ²	573	1434	2311	444

* Источник: [8: 8].

Итогам амнистии посвящена статья «Советское строительство в Ухтинском уезде», напечатанная в журнале «Экономика и статистика Карелии» в 1927 г. В ней Форстен не только размещает сведения об общих потерях, повторённые впоследствии в статье 1932 г., но и приводит данные о количестве вернувшихся карбеженцев. Так, по итогам амнистии в уезд вернулось 2442 человека, из них 1364 — мужчины, 1040 — женщин и 1038 детей до 15 лет [7: 69]. Отметим, что риторика данной статьи сильно отличается от характерной представленному выше отчёту. В ней Форстен признаёт и подчеркивает значимость проводимой амнистии и даже выражает надежду касательно организации процесса репатриации для тех карбеженцев, которые захотят вернуться в уезд как эмигранты [7: 70]. К сожалению, в публикации отсутствуют данные по волостям, что позволило бы провести сравнительный анализ последствий восстания и итогов амнистии на локальном уровне.

Хотя наше исследование на данном этапе нельзя считать завершённым, подчеркнём, что в научный оборот впервые введены исторические источники, свидетельствующие об особенностях осуществления амнистии на локальном уровне северно-карельской волости. Тем не менее, приходится признать, что они отражают лишь одну сторону этого многогранного процесса. Из проанализированных выше документов становится понятно, что реальные повседневные практики, связанные с репатриацией, далеко не всегда в полной мере соответствовали декларируемым обещаниям. Карбеженцы для властей оставались источником недоверия и, как следствие, подвергались повышенному контролю. Также открытым пока остаётся вопрос об итогах амнистии по волостям. На наш взгляд, нахождение ответа на него позволит адекватно оценить успешность её результатов на локальном уровне: в отдельно взятом уезде. Это представляется важным для понимания всей полноты драматизма в воздействии на людские судьбы событий, итогом которых стала исследуемая нами амнистия карельских беженцев 1920-х гг.

¹ В статье автором использована следующая формулировка: «Уведено населения в Финляндию»

² В статье ошибочно указано 7398. Ошибка позволяет предположить, что основой для статьи Вернера Форстена послужил доклад председателя Ухтинского районного ревкома А. Валдена I съезду Советов Ухтинского района о деятельности ревкома от 17 сентября 1922 г., где также обнаружена выявленная неточность. Впервые на нее обратили внимание составители сборника «Карелия в период восстановления народного хозяйства 1921—1925». Помещаем сведения, приводимые в сборнике, в качестве приложения к настоящей статье (см. табл. 2).

Список источников и литературы

Источники

I. Неопубликованные

1. Протоколы и постановления заседания первой сессии КЦИК, 3—4 сентября 1923 г. // Национальный архив Республики Карелия (далее — НАРК). Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 1/11.
2. Доклады волисполкомов о политическом и экономическом положении волостей // НАРК. Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 5/52.

II. Опубликованные

3. Декрет ВЦИК от 29 января 1923 г. «Об организации Районного Исполнительного Комитета в с. Ухте Кемского уезда Карельской Трудовой Коммуны» // Красная Карелия: Сборник материалов официального характера, относящихся к истории Карелии со времени образования Карельской Трудовой Коммуны до преобразования ее в АССР. Б. м. : Изд. Наркомюста АКСР, 1925. С. 53.
4. Из доклада председателя Ухтинского районного ревкома А. Валдена I съезду Советов Ухтинского района о деятельности ревкома, 17 сентября 1922 г. // Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921 - 1925 : [сборник документов] / [Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, Центральный государственный архив КАСР, Партийный архив Карельского обкома КПСС ; под ред. А. И. Афанасьевой, В. И. Машезерского]. Петрозаводск : Карелия, 1979. С.54 —55.
5. Территория, административное устройство и население АКСР. K.A.S.N.T:n maan pinta — alhallinnollinen jaoitus ja asutus // Статистический обзор, 1923—1924 = Tilastollinen katsaus, 1923—1924 / Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика, Петрозаводск : Издание Статистического управления АКСР, 1925. С. 2—25.
6. Тимонен А. Н. О войне, о мире, о дружбе: рассказы, очерки, воспоминания / Антти Тимонен. Москва: Советский писатель, 1989. 316 с.
7. Форстен В. Советское строительство в Ухтинском уезде / В. Форстен // Экономика и статистика Карелии. 1927. № 1—3. С. 67—86.
8. Форстен В. На стройке Красной Ухты / В. Форстен // Советская Карелия, 1932. № 3—4. С. 7—12.
9. Karjalan pakolaisille V. S. F. N. T. Suomesa olevan Täysivaltaisen Edustajiston tiedonanto // Helsingin Sanomat, 1923. № 207. S. 1. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/1393507?page=1>.

Литература

10. Воронина П. С. Амнистирование карельских беженцев 1923 г. [Электронный ресурс] / П. С. Воронина // CARELiCA: научный электронный журнал. Петрозаводск: ПетрГУ, 2018. № 1/2018 (19). С. 16—25. URL: [http://carelica.petrus.ru/CARELiCA /1 2018 \(19\)/voronina.html](http://carelica.petrus.ru/CARELiCA /1 2018 (19)/voronina.html).
11. Гусев К. В. К истории Карельского мятежа: по материалам Комиссии по реабилитации при Президенте РФ / К. В. Гусев // Отечественная история. 1996. № 6. С. 71—83.
12. Жербин А. С. Белофинская интервенция 1918—1922 гг. в Карелию в финляндской буржуазной исторической литературе / А. С. Жербин // Из истории интервенции и гражданской войны в Карелии (1918—1920 гг.). Петрозаводск, 1960. С. 75—83.
13. Килин Ю. М. Карельское восстание 1921—1922 гг. и его последствия в свете новых архивных данных / Ю. М. Килин // Россия и Финляндия в XVIII—XX вв.: Специфика границы. Санкт-Петербург, 1999. С. 88—102.
14. Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства 1920—1941 / Юрий Килин. Петрозаводск: Изд—во ПетрГУ, 1999. 277 с.
15. Килин Ю. М. Карельский вопрос во взаимоотношениях Советского государства и Финляндии в 1918—1922 гг. / Ю. М. Килин. Электрон. дан. Петрозаводск : Изд—во ПетрГУ, 2012. 162 с. URL: http://elibrary.karelia.ru/docs/kilin/Karel_vopros_18_22/total.pdf
16. Осипов А. Ю. Финляндия и гражданская война в Карелии : дис... канд. ист. наук. : 07.00.01 / Осипов Александр Юрьевич. Петрозаводск, 2006. 241 с.

17. *Осипов А. Ю.* Термин "племенные войны" в финской историографии / А. Ю. Осипов // Политическая история и историография: (от античности до современности). Петрозаводск, 2007. Вып. 4. С. 144—148.
18. *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах: Справочник, Вып.2, Войны и мирные договоры, кн.3: Европа в первой половине 20 в. Москва: Международные отношения, 1999. 672 с.
19. *Репухова О. Ю.* Возвращение карельских беженцев / О. Ю. Репухова // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: материалы VI международной научной конференции, посвящённой 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (Петрозаводск, 1—3 июня 2015 г.). Петрозаводск, 2016. С. 186—195.
20. *Репухова О. Ю.* Карельская государственность в условиях решения проблем мобилизационной подготовки РСФСР/СССР (1920-е годы) / О. Ю. Репухова // Карелия — приграничный регион России в XX—XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР/России: Сборник докладов международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию образования карельской государственности (Петрозаводск, 7—8 июня 2018 г.). Петрозаводск, 2018. С. 75—80.
21. Список населенных мест Архангельской губернии: на 1-е мая 1922 г.: с приложением списков населенных мест Мурманской губернии, Кемского уезда Корельской трудовой коммуны и Печорского уезда Области Коми (Зырянской). [Архангельск: Тип. Архгубсоюза кооперативов], 1922. 300 с. URL: <http://elbib.shpl.ru/ru/nodes/46183>
22. *Уткин Н. И.* Россия — Финляндия: "карельский вопрос" / Н. И. Уткин; науч. ред. В. М. Курицын. Москва: Международные отношения, 2003. 331 с.
23. *Хесин С. С.* Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1921—1922 гг.: военно-политический очерк / С. С. Хесин. Москва: Военное изд.—во Министерства вооруженных сил Союза ССР, 1949. 150 с.
24. *Чернякова И. А.* Архивные дела карельских беженцев как исторический источник / И. А. Чернякова, П. С. Воронина // Исторические исследования в образовательном пространстве Тверского региона: материалы межвузовской научной конференции (Тверь, 20 апреля 2017 г.). Тверь, 2017. С. 38—47. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29140349>

Приложение

Таблица 2

Сведения из доклада председателя Ухтинского районного ревкома А. Валдена
I съезду Советов Ухтинского района о деятельности ревкома
о ситуации в Ухтинском уезде, 17 сентября 1922 г.

№ п/п	Волость	Население, ушедшее в Финляндию	Возвратившиеся к 1.IX—22 г.	Потеряно скота			Разрушено домов
				лошадей	коров	овец	
1	Ухтинская	1938	50	157	551	1000	310
2	Юшкозерская	862	262	143	171	265	11
3	Кондокская	675	450	16	36	256	8
4	Вокнаволоцкая	1627	727	98	320	600	60
5	Тихтозерская	955	328	29	226	70	28
6	Кестен[ь]гская	978	392	100	80	60	15
7	Олангская	393	146	30	50	60	12
Всего		7428	2355	573	1434	2311	444

Источник: [4]

Polina S. Voronina

Master's Degree in History (46.04.10)

Petrozavodsk State University

Humanitarian Innovation Park

Administrator;

Investigative Laboratory for Local and Microhistory of Karelia

Volunteer Researcher;

University of Eastern Finland (Joensuu Campus)

PhD Student of the Past, Space and Environment in Society Doctoral Program (General History Major)

Research Supervisor — Docent of Russian History *Irina A. Chernyakova*

University of Eastern Finland (Joensuu Campus)

Karelian refugees in Ukhta uyezd: regional aspect (the 1920s)

Abstract: The article deals with the regional specificities of repatriating Karelian refugees from Finland to Soviet Karelia between 1923 and 1929. Using official archival documents (resolutions, minutes of meetings, correspondence), as well as the recollections of the participants in the events, the author analyzes the peculiarities of the return of the migrants from the Ukhta region, who were forced to leave it in 1921 and 1922 due to the interstate armed conflict. The study was an attempt to trace the process of integrating repatriates into the local community, and to assess the attitude of the authorities and the local population towards them.

Key words: Karelian adventure; East Karelian Uprising; Karelian Labor Commune; Karelian Soviet Republic; Karelian refugees; Antti Timonen; Luusalmi; Ukhta uyezd; Finland; Soviet Union.